

Глава 27. Хроники Маленькой Черепашки (часть I)

***

От 0 до 1 года

Сцена первая

Семнадцать лет назад, холодной зимней ночью, в коридоре центральной больницы города F собралось больше десятка человек — от мала до велика.

В отличие от томящихся в ожидании родственников, за окном царило безмолвие. На город обрушился самый сильный снегопад за последние полвека. Ночь была тихой, снег — девственно чистым; казалось, мегаполис погрузился в глубокий сон, а все его очертания и шум бережно укрыла белая пелена. С черного неба бесшумно падали крупные хлопья, застилая мир. Только темная высь и белоснежная земля остались друг с другом в этом бесконечном, одиноком карауле.

— Цзивэнь, когда твоя жена выйдет, не вздумай снова нести чепуху и расстраивать её, — наставляла бабушка Лу, глядя на сына, который в волнении нарезал круги по коридору, то и дело потирая затылок.

Впрочем, сердце матери наконец-то успокоилось. Другие её дети выбились в люди, и Лу Цзивэнь тоже был не промах — в столь молодом возрасте стал адъюнкт-профессором Университета F. Но стоило ей взглянуть на его растерянный вид и нелепую походку, как она невольно вздыхала. Только Сюй Мань, знавшая его с детских лет, могла разглядеть в нём что-то особенное и решиться родить от него ребёнка. Другая бы точно не выдержала.

— Знаю я, мам! — Лу Цзивэнь покраснел под взглядами родни.

«Ну что за мать! Я вот-вот стану отцом, а она всё не упустит случая меня отчитать».

Он покосился на отца, который дремал в кресле, и осторожно подошел к нему.

— А-ба, раз уж малыш скоро появится, может... выберете имя?

Старый господин Лу приоткрыл один глаз, посмотрел на сына и снова зажмурился. Он тяжело стукнул тростью о пол, отчего Цзивэнь непроизвольно вздрогнул.

— Ты у нас профессор университета или кто?.. Вот сам и думай.

С этой редкой «передачей полномочий» старик вновь погрузился в забытье.

— Да-да, я обязательно всё обдумаю, — почтительно отступил Цзивэнь.

Даже будучи главой собственной семьи, он всё равно испытывал перед отцом трепет, граничащий с благоговейным ужасом. Цзивэнь продолжал мерить коридор шагами.

«Ну уж нет! Когда мой ребёнок родится, я буду с ним самым добрым и ласковым отцом. Моя любовь будет нежной, как весенний дождь в саду. Никаких родительских запретов! Образование будет только по американской модели, никакой китайской муштры. Будем друзьями, а не отцом и сыном!» — Лу Цзивэнь в деталях прокручивал в голове план, который вынашивал уже многие годы.

— Цзивэнь, ты чего там под нос себе бормочешь? — Старшая сестра Лу долго наблюдала за ним.

При свете люминесцентных ламп лицо брата выглядело комично: то он расплывался в улыбке, то хмурился, то замирал в экстазе. Видимо, снова витал в облаках.

— Лу Цзивэнь! — прикрикнула она, не дождавшись ответа.

— А? — Цзивэнь наконец очнулся и смущенно почесал голову. — Сестра, ты что-то спросила?

— Эх... Будем надеяться, что внешностью ребёнок пойдет в тебя, а умом — в невестку, — сухо бросила она.

Присутствующие дружно рассмеялись. Напряжение, царившее в коридоре, наконец нашло выход и рассеялось.

— Сестра! — Лу Цзивэнь вспыхнул.

Он хотел было возразить, но не нашел аргументов. Только он собрался искать поддержки у младшего брата, который всегда мягко ему улыбался, как из родильного зала выбежала медсестра с окровавленными руками.

— Где муж Сюй Мань? Ребёнок родился!

Сказав это, она тут же скрылась за дверью. Лу Цзивэнь замер как вкопанный. Он-то представлял этот момент иначе: услышав первый крик младенца, он должен был расплакаться от счастья, обнять всех присутствующих и с победным кличем вбежать в палату. А тут... всё закончилось так буднично? Малыш что, немой?

Вокруг тут же поднялась суматоха.

— Ты чего застыл? От радости совсем голову потерял? — Свояк шутливо толкнул его в плечо.
— Цзивэнь, не позорься!

— Цзивэнь, зайдешь — не болтай лишнего. Скажи Наньнань что-нибудь приятное, — наставляла тёща.

Даже старый господин Лу поднялся с кресла и, глядя на остолбеневшего сына, веско обронил: «Хм!».

— Брат, не спи! Иди скорее к сыну! — младший брат подтолкнул его к дверям.

Лу Цзивэнь, что-то бормоча себе под нос вроде «откуда вы знаете, что это сын?», в полном оцепенении вошел в родзал. Там ему в руки тут же вложили сверкающие ножницы.

— Давайте, перерезайте пуповину своему богатырю, — улыбнулась медсестра, поддерживая его за локоть.

Цзивэнь посмотрел на полупрозрачную трубку, испачканную кровью жены. В желудке предательски заурчало, перед глазами всё поплыло.

— Я... боюсь... крови... — выдохнул он, и, закатив глаза, медленно сполз по стенке на пол.

***

Сцена вторая

Позже, придя в себя, новоиспеченный папаша с виноватым видом пристроился у кровати жены.

— Жена, ты такая бледная... Вот выпишемся, я тебе сам куриного бульона наварю, — с нежностью произнес Цзивэнь, который в жизни не подходил к плите.

Сюй Мань устало закатила глаза и перевела взгляд на спящего младенца.

— Избавь меня от этого, — прошептала она. — Свекровь еще на свадьбе предупреждала, чтобы я тебя к кухне на пушечный выстрел не подпускала. Я тогда не поверила, а помнишь, что было потом?

— Ну, это... случайность была, форс-мажор, — Лу Цзивэнь смущенно кашлянул, но тут же

снова воодушевился и обнял жену. — Мань, ты просто героиня! Такого человечка мне подарила!

— Тише ты... — Сюй Мань уткнулась лицом в его грудь. — Ладно, ты придумал имя? Сразу предупреждаю: сын мой, так что в имени обязательно должен быть иероглиф «Мань».

— Справедливо, — кивнул Лу Цзивэнь. — Но посмотри, какой он странный: личико крошечное, носик крошечный, ротик, ручки-ножки — всё такое маленькое... И весь в морщинках, как старик. Неказистый такой, но раз маленький — значит, милый. Давай и в имени будет иероглиф «Сяо» — маленький.

Он сиял от счастья. Жена в объятиях, сын рядом — жизнь казалась совершенной.

— Тогда получается... Лу Сяомань? — Сюй Мань попробовала имя на вкус и тут же поморщилась. — Нет, исключено! Наш сын не может носить имя какой-то там светской львицы!

— Но он же не может носить чужую фамилию! — Цзивэнь отстранился и серьезно посмотрел на неё. — И та женщина, о которой ты говоришь, не просто «львица». Она искала истинную любовь, наплевав на условности и пересуды. В ту эпоху сохранить верность своему сердцу было подвигом. Я хочу, чтобы наш сын вырос таким же — любящим, смелым и готовым на всё ради своей правды.

Стоило Лу Цзивэню заговорить о возвышенном, как он мгновенно преображался. Перед Сюй Мань снова был тот самый блестящий профессор, чей голос и взгляд на лекциях завораживали аудиторию. Сейчас он говорил низко, размеренно, глядя на неё с той мягкой, чуть меланхоличной нежностью, перед которой невозможно было устоять. Этот взгляд проникал в самую душу.

Сюй Мань вздохнула. В такие моменты она всегда сдавалась.

— Ладно, называй как хочешь. А домашнее имя?

Лу Цзивэнь расцвел, и всё его профессорское величие как ветром сдуло. Он вскочил, подошел к окну, за которым кружилась метель, и торжественно провозгласил:

— Какая чистота вокруг! Благодатный снег на добрый год... Решено! Назовем его Сяо Бай — Беляш!

***

От 2 до 4 лет

Сцена первая

— Лу Цзивэнь! Посмотри, до чего твой «правильный» метод воспитания довел сына!

Не успел Лу Цзивэнь переступить порог, как на него обрушился яростный крик жены. Он невольно втянул голову в плечи и посмотрел на Сяо Сяоманя, который стоял в углу.

— Папа... у-у-у... — увидев спасителя, малыш зашелся в рыданиях.

Он уже хотел было броситься к отцу, но, поймав суровый взгляд матери, лишь выпятил нижнюю губу и обиженно зашмыгал носом.

— Ох, бедный мой Сяомань, что случилось? — Цзивэнь подхватил сына на руки.

Тот уткнулся ему в плечо, щедро размазывая слезы и сопли по воротнику профессорского пиджака. Кажется, от сочувствия плач стал только громче.

— Я... я... дядя... ножницы... и оно... завяло... у-у-у... — всхлипывал ребёнок.

— А?

— Твой брат купил ему набор для аппликаций, — ледяным тоном пояснила Сюй Мань. — А теперь подними глаза и посмотри на шторы в гостиной!

Лу Цзивэнь поднял взгляд. Действительно, шторы в комнате стали короче ровно наполовину. «Зато как светло стало», — некстати подумал он.

— А теперь взгляни на мою кливию! — продолжала бушевать супруга.

Цзивэнь повернул голову вправо. Вид у цветка на балконе был, мягко говоря, авангардным: все листья были густо и беспорядочно склеены в один ком.

— Теперь понимаешь? — Сюй Мань уперла руки в бока. — Вы оба — два сапога пара, дурни непроходимые!

— Жена, — серьезно произнес Лу Цзивэнь. — Ты можешь называть дураком меня, но не Сяоманя. Если так говорить, он и вправду в это поверит.

Он повернулся к сыну и нежно спросил:

— Малыш, ты просто хотел проверить, как работают ножницы и клей, верно?

— У-у-у... Да-а... — Сяомань активно закивал.

— Вот видишь! — Цзивэнь просиял. — Сяомань, я и не знал, что ты в таком возрасте уже осознал важность практики! Как говорится, знание из книг поверхностно, пока не применишь его на деле. Весь в отца!

В ту же секунду раздался грохот — Сюй Мань с силой швырнула разделочную доску на стол.

— Оба! Живо на балкон! Пока не осознаете свою вину — ужина не получите!

Её сопрано достигло такой мощи, что в соседних квартирах послышался стук закрывающихся окон. Лу Цзивэнь показал сыну кончик языка, взял его за крошечную ладошку, и двое «практиков», повесив носы, побрели на балкон отбывать наказание.

***

Сцена вторая

Солнечный полдень золотой осени. Воздух был прозрачным и свежим, небо — пронзительно синим.

— Сяомань, ты ведь знаешь, что папа любит больше всего на свете? — философски спросил Лу Цзивэнь, поглаживая сына по голове.

Волосики у малыша были мягкими, как пух.

«Жаль только, ростом не велик. Сестра была права: внешностью он в мать, а вот умом... ну, у него по крайней мере есть потенциал».

— Знаю! Капусту! — Сяомань старательно выговорил каждое слово.

Цзивэнь подхватил сына на руки и указал вниз, во двор.

— Видишь? Вон там, на грядках, растет та самая пекинская капуста!

Лу Цзивэнь выделил это слово интонацией, и Сяомань с почтением уставился на овощи.

— Но мама её не любит, поэтому никогда не покупает, — вздохнул Цзивэнь.

Жена строго-настрого запретила ему ходить на рынок одному. Вечно он там что-то терял: то деньги, то сумку, то велосипед. А всё потому, что среди рыночной сутолоки его внезапно посещало озарение — мысли о диссертации или планах лекций уносили его в эмпирию, и бренный мир переставал существовать.

— Давай сами купим! — Сяомань захлопал ресницами.

— Точно! Какой ты у меня сообразительный! Вдвоем-то она нас точно отпустит!

Не теряя времени, Лу Цзивэнь схватил сына за руку, и они поспешили вниз.

У подъезда они столкнулись с Ли Синем, который как раз доставал ключи. Он был выпускником того же Университета F, но на несколько курсов старше Цзивэня. Женившись на дочери ректора, он быстро пошел в гору и уже занимал пост замдекана экономического факультета. С самых студенческих времен он был звездой кампуса и оставался ею по сей день.

— Сяомань, поздоровайся с дядей! — Цзивэнь погладил сына по голове и вежливо кивнул соседу.

— Здра-а-вствуйте, дядя! — пропел малыш на весь подъезд.

Ли Синь отвел взгляд от Цзивэня и тепло улыбнулся ребёнку.

— Здравствуй, Сяомань! Куда это вы так торопитесь?

— За ка-пу-стой! — гордо объявил Сяомань.

— Вот оно что... — Ли Синь протянул гласную, скользнув странным взглядом по Лу Цзивэню. — Цзивэнь, я же говорил: если захочется капусты, просто зайди ко мне, зачем так далеко тащиться? Пойдемте, я вам вынесу пару кочанов.

— Нет-нет, что вы, неудобно... — Цзивэнь начал пятиться.

Он считал, что они с Ли Синем едва знакомы, хотя тот всегда проявлял к нему избыточное внимание и заботу. Лу Цзивэню это казалось странным, но жена настаивала, что с таким влиятельным человеком нужно дружить.

Цзивэнь хотел было увести сына, но Ли Синь ловким движением преградил им путь и буквально затащил в дом. Не успел Цзивэнь опомниться, как сосед выудил из его кармана связку ключей и, широко улыбаясь, обратился к Сяоманю:

— Сяомань, а давай проверим, какой ты взрослый? Сможешь сам открыть дверь вашей квартиры?

— Смогу! — обрадовался малыш.

Схватив ключи, он целеустремленно пополз вверх по лестнице. Папа ведь говорил: «Сяомань самый сильный, если постараться, у него всё получится!».

Так маленький герой, в стремлении доказать свою самостоятельность, оставил любимого папу в «капустной западне»...

Через несколько дней Сюй Мань, которой пришлось готовить капусту во всех видах, наконец не выдержала:

— Лу Цзивэнь, ты что, опять втихаря на рынок бегал?

— Нет, что ты... Правда же, Сяомань? — Лу Цзивэнь, не поднимая головы, усиленно жевал капусту в кисло-сладком соусе.

Малыш серьезно кивнул: «Правда!».

— Откуда тогда у декана Ли столько капусты для тебя?

— Сказал — бери сколько влезет. Видимо, человек так любит садоводство, что радуется любому ценителю, — с каменным лицом ответил Цзивэнь.

«В этот раз я был слишком скромн. В следующий раз обчищу весь его огород!»

— Цзивэнь, с тобой всё в порядке? — Сюй Мань заметила, что муж ведет себя странно.

Тот выронил палочки, тут же их подхватил и снова начал чесать затылок.

— Да всё хорошо... Просто, кажется, я переел капусты...

— Ой, ли? Ну-ка, выкладывай правду! — Сюй Мань отложила приборы и вперилась в мужа тяжелым взглядом. — Пока не расскажешь — из-за стола не выйдешь!

***

Сцена третья

В один из погожих дней Лу Сяомань вскарабкался на табуретку на балконе и, подперев щеки кулачками, уставился на улицу. С тех пор как папа перестал выходить с ним «созерцать пейзажи», Сяоманю стало скучно. Он чувствовал, что в доме что-то изменилось, но что именно — понять не мог. Это были первые в жизни самостоятельные размышления Сяо Сяоманя. Впрочем, мозг малыша быстро утомился, и он решил просто наслаждаться теплым солнышком.

В этот момент в саду внизу, прямо у грядок с капустой, появился мальчик лет двенадцати. Сяомань так и замер. Одежда на мальчике была ослепительно белой, лицо — тоже, казалось, он весь светится в лучах солнца. Мальчик стоял неподвижно, глядя в его сторону. Маленький Сяомань еще не знал слов «красивый» или «статный», но он почувствовал нечто прекрасное и доброе. Ему захотелось подойти и обнять этого незнакомца... как ту самую большую капусту.

И он во всё горло закричал:

— Брат Капуста!

Мальчик внизу с недоумением поднял голову. Он увидел в окне второго этажа круглую мордашку, почти половину которой занимали огромные черные глазищи. Малыш смотрел на него с восторгом и капелькой смущения. Вдруг глаза ребёнка расширились, он нелепо взмахнул руками и повалился назад. Черная макушка исчезла, и из квартиры раздался оглушительный рев:

— А-а-а-а! Папа! Мама! Бо-о-ольно! У-у-у-у...

Мальчик во дворе на мгновение застыл в изумлении, а потом негромко рассмеялся. В ту секунду ему и вправду захотелось подняться и обнять этого неуклюжего малыша...

***

Сцена четвёртая

Вскоре детский сад при Университете F закрыли, и не по годам развитые дети профессоров обрели долгожданную свободу.

Лу Сяомань не стал исключением. Других садиков поблизости не было, а бабушки с дедушками жили далеко, поэтому родители оставляли его дома. Малыш коротал время, листая книги в шкафу или пропадая перед телевизором. Сяомань был необычным ребёнком: мультики его не трогали, зато рекламу он обожал. Даже Лу Цзивэнь, ратовавший за свободу выбора, порой не выдерживал:

— Сяомань, ну почему тебе так нравится смотреть эти ролики? Это же скучно!

— Не знаю... Любовь не требует причин, ты сам меня так учил! — малыш даже не обернулся,

завороженно глядя на экран.

Там с грохотом проезжал трактор, груженный мешками. Из кузова выпрыгнул фермер, вскинул мешок на плечо и, широко улыбнувшись, хлопнул по нему ладонью: «Удобрения марки ХХ — мы выбираем их!».

Сяомань критически поджал губы:

— Пап, я думаю, дядя должен был сказать: «Удобрения марки ХХ — посевы их обожают!».

— Ого! А ведь верно! — Лу Цзивэнь восхищенно погладил сына по голове. — Умница, Сяомань! Продолжай в том же духе, а с мамой я сам договорюсь.

***

Сцена пятая

Свинцовое небо, тяжелые тучи. Сяомань гулял во дворе один.

— Лу Сяомань! — выкрикнул кто-то сзади.

Мальчик с игрушечным ружьем наперевес бежал к нему. Одинокий Сяомань обрадовался компании.

— Я здесь! — он обернулся и искренне улыбнулся сверстнику.

— Ха-ха! А моя мама говорит, что у тебя имя как у потаскухи! Потаскуха! Потаскуха! — Мальчишка начал прыгать вокруг него, выкрикивая оскорбления с той неосознанной жестокостью, на которую способны только дети.

— Потаскуха? — Сяомань растерянно повторил незнакомое слово. — А что это? Такой цветок?

— Это... это что-то очень плохое! Хуже, чем урод или дурак! Ты — потаскуха! — Задира продолжал тыкать дулом пластикового ружья в живот Сяоманя, черпая упоение в унижении того, кто слабее.

— Ты... — Сяомань не знал значения первого слова, но два других были ему знакомы.

Глаза защищало от слез. Почему он его обзывает? Почему нельзя просто поиграть вместе?

— Это неправда! Я не такой! — крикнул он сквозь слезы. Папа учил, что нужно быть добрым, нельзя драться и ругаться, тогда у тебя будет много друзей.

— Правда, правда! — видя, что Сяомань вот-вот разрыдается, мальчишка вошел в раж.

— Что здесь происходит? — раздался холодный, чистый голос.

На дорожке появился юный Ли Фэн.

— Потаскуха! — торжествующе крикнул обидчик.

— Хм. Потаскуха? Тебе взрослые не говорили, что так называют только женщин?

— Ну...

— А Лу Сяомань, по-твоему, девочка?

— Нет, но...

— Твой отец ведь на биофаке преподает? Неужели он тебя элементарным вещам не научил?

Услышав упоминание об отце, которым он очень гордился, мальчишка замотал головой:

— Это не папа сказал, а мама!

— Ну, значит, твоя мама не очень умная. А раз ты её сын, то ты, должно быть, еще глупее, — Ли Фэн с детства обладал талантом бить словом в самое больное место.

— Ты... ты назвал меня глупым?! — покраснел задира.

Он привык, что его все хвалят. Глядя на Ли Фэна, который был на голову выше, он в защитном жесте вскинул свое ружье.

— И что это за мусор? — Ли Фэн презрительно посмотрел на игрушку.

Он резким движением выхватил ружье и с сухим треском разломил его пополам. Затем, сузив глаза, он шагнул к мальчишке.

— Проваливай отсюда, пока я тебя так же не разломал!

— А-а-а-а! Мама! — Мальчишка, словно увидев призрака, в ужасе бросился наутек.

Ли Фэн облегченно выдохнул и повернулся к замершему Сяоманю.

— Тебя зовут Лу Сяомань?

Малыш только заторможенно кивал, не сводя глаз со своего спасителя.

— Ну и дурачок же ты. Если тебя обижают — давай сдачи, понял?

— Да... вать... сдачу? — в глазах Сяоманя, полных благоговения, читалось явное непонимание.

— Эх, ладно, — Ли Фэн легонько щелкнул его по носу. — Меня зовут Ли Фэн. Ну что, Сяомань, даже «спасибо» не скажешь?

— Спасибо... брат Ли Фэн! — Сяомань наконец пришел в себя. — Ты ведь... Брат Капуста?

— А? — Ли Фэн усмехнулся. — Ну и фантазия у тебя. Сяомань, я живу под вами, на первом этаже, хотя мы, кажется, еще не виделись.

— Брат, а зачем ты тогда стоял рядом с капустой?

— Отбывал наказание, — спокойно ответил Ли Фэн.

— Наказание? За что? — Сяомань оживился. Это слово было ему очень знакомо.

— За то, что на экзамене разделил первое место с кем-то еще.

— Первое место? Это же здорово! — восхитился Сяомань.

— Вовсе нет. Моя мать требует, чтобы я всегда был единственным первым. Понимаешь?

— Не-а! — Сяомань еще даже не ходил в школу, для него «первый» и был «первым».

— Ну и ладно... В этот раз, думаю, всё будет как надо, — Ли Фэн посмотрел в ту сторону, где скрылся обидчик, и едва слышно вздохнул. Потом он снова улыбнулся Сяоманю. — Зато на душе теперь... легко.

— Легко? — Сяомань снова ничего не понял.

Заходящее солнце медленно опускалось за горизонт, окрашивая облака в нежно-оранжевые тона. Сумерки становились всё гуще и мягче. Двое детей — высокий и маленький — взявшись за руки, шли по двору. За ними, покачиваясь, следовали две длинные тени, пока вся эта картина не растворилась в наступающей ночи...

<http://bllate.org/book/17579/1713416>